

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Э94

Диана Лилит, Сончи Рейв
ЭФФЕКТ БАЛИ

Иллюстрация на обложке *Андрея Агина*

Лилит, Диана, Рейв, Сончи.
Э94 Эффект Бали: роман / Диана Лилит, Сончи Рейв. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-17-132824-5

Дружба — это прекрасно. Даже если она душит. Даже если делает больно. Даже если заставляет скрыть преступление.

Небольшая компания по организации вечеринок в Москве, состоящая из пяти друзей, получает заказ провести весьма необычное мероприятие на Бали. Звучит сказочно, но тропические ливни смывают с острова Instagramный лоск, а с лиц — натянутые улыбки. Кто они друг другу и что на самом деле держит их всех вместе? Глубоко спрятанные мысли, обиды и тайны всплывают наружу, обнажая уродливую правду — и руша жизни.

Таков #ЭффектБали.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-132824-5

© Диана Лилит, Сончи Рейв, 2020
© Андрей Агин,
иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1. БЕССОВЕСТНОЕ МЯСО

— Что есть тусовка? Современная форма религиозных ритуалов? Способ отвлечься? Танцы и алкоголь? Форма коммуникации? Способ разделить эмоцию со всеми, не говоря ни слова? Что есть тусовка? Компания друзей? Иллюзия семьи? Способ снятия стресса или его накопления? Тусовка — трансформация ночи или побег от действительности? Что есть тусовка? А может ли человек быть тусовкой? Это действие или состояние? Это праздник или похороны той жизни, от которой ты бежишь? Тусовкой я хороню день в белой рубашке, суматоху метро и мысли о лайках...

У него глаза — еще чуть-чуть и Стив Бушеми. Прозрачные, выпуклые, огромные, завлекающие. С такими глазами ты либо божественно привлекателен, либо инфернально чудаковат. Но ему повезло. Еще как повезло.

Глеб Фадеев — бессовестный мальчик.

Он уродился до одури красивым, с такими глазами и заморачиваться по жизни не стоило. Но Глеб себя выточил: на щеках следы барбершопа, тело — кроссфит три раза в неделю. Густые брови: волосок к волоску. Он выглядел так, что вызывал безудержное желание сфотографировать его и показать всем подружкам — доказать, что такие существуют.

И, казалось бы, на этом можно остановиться. Но Глеб пошел дальше. Журналистка чувствовала в нем выстроенную харизму, проверенную годами и отработанную, в речах слышала репетицию. Сколько раз он произносил этот монолог?

— Тусовка — это спрессованная жизнь. Инъекция жизненных уроков. Реальность без рекламных пауз и перерыва на обед. Интенсивная, непрерывная и масштабная. Способная закончиться, либо естественно утихнув, либо по вызову такси.

У него было особое манящее равнодушие. Реплики говорит прохладно, но эта мелькающая усмешка поддерживает в собеседнике интерес. Журналистке пришлось постоянно щипать себя за руку, чтобы не попасть под его чары.

— «Мясо» началось всего лишь как студенческий квартирник для богемной молодежи. Немного ВГИКа, немного ЩУКи, дальше уже подключились ВШЭ и МГИМО. Нас было всего человек десять, но каждый раз в небольшой сквот на Милютинском захаживало все больше и больше народа. В какой-то момент я огляделся и никого не узнал. Из студенческих посиделок мы превратились в культ...

— Я все это слышала.

— Мы решили пойти дальше. Сева во двор принес установку, Марго с работы украла фонарики... Мы строили вечеринку, словно все вдруг попали в детский домик. Просто забава, игра в чистом виде.

— Я это знаю.

— Помню, когда нам пришел первый заказ. Компания, выпускающая виски, решила нас проспонсировать. Тихон — кажется, тогда с нами работал Тихон — проторчал всю ночь, смешивая сиропы и соки у меня на кухне. Я перепробовал столько вариантов, что

не мог на следующий день встать. Так появился коктейль «Мясной».

— Я уже читала про это.

— Светофоры? Про светофоры слышали? А про первый полицейский рейд? А про андеграундного художника и афишу?

— Меня интересует последняя вечеринка.

— Крайняя, не последняя. — Он хохотнул, поднося кружку с кофе к губам.

— Что на самом деле произошло тогда? — Журнал-листка была непоколебима.

«Я прибью тебя, Глеб!»

Сонная атмосфера кафе, в котором устроились только люди с «макбуками» и одно жалкое интервью, разрушилась моментально. Маленькая армянка в объемном пальто и с шарфом, который можно использовать как плащ-палатку, резко ворвалась внутрь, чуть не опрокинув столик, и за локоть вздернула хохочущего Глеба на ноги.

— Ублюдок, мать твою, скотина, как же хорошо, что ты каждый свой шаг в сторис постишь. Понторез на ножках. Идиот полнейший! — Для такого хрупкого телосложения голос девушки казался слишком грубым и громким.

— Это Марго, — сквозь улыбку представил ее Глеб журналистке, — наш организатор, но у нее, скорее, должность «диктатор тусовок».

Марго была полна гнева. Щеки у нее покраснелись не только от мороза.

— Идиот, — фыркнула она. Безошибочно взяв с вешалки пальто Глеба, она швырнула ему одежду и наконец-то обратила внимание на журналистку. — Какое издание?

Та испуганно пролетепетала:

— У нас аккаунт в «Инстаграме»...

- Подписчиков сколько?
- Десять тысяч.
- Фигня. Рассказать что-нибудь успел?
- Нет, он только...
- Отлично. До свидания.

Глеб откровенно забавлялся и даже не стал спорить с Марго. Он небрежно накинул пальто, вытащил из кармана купюру, оставил на столе и подмигнул ошарашенной журналистке.

— Как можно быть таким дебилом, — ругалась Марго, вытащив его в пасмурное холодное воскресенье февраля. Остатки новогодних украшений мертвым грузом висели на столбах, словно футуристическая паутина чудовищного паука. Все кафе вдоль Тверской пестрели новогодними предложениями.

Постпраздничная атмосфера в столице напоминала выпотрошенный труп оленя Рудольфа. Все утопало в мерзкой грязной серости, и серость эта была размазана от слякоти дорог до самого неба. Погода в этом году: неловкий первый секс зимы и весны, где оба симулировали, не получили никакого удовольствия, были в меру разочарованы и ждали, когда же это закончится.

Ни снега, ни солнца. Время года просто застряло на перепутье.

— Ты должен предупреждать меня о каждом интервью, особенно сейчас, — Марго говорила зловеще-агрессивно. Глеб ухмылялся и качал головой.

— Это просто паблик. Они хотели узнать, когда следующая вечеринка «Мяса».

— Они хотели узнать о *последней* вечеринке, — акцентировала внимание Глеба Марго и косо, с сомнением на него взглянула. — Глеб, сейчас все хотят узнать о последней вечеринке, и очень важно молчать, иначе нам...

Парень отмахнулся.

— Это всего лишь какой-то аккаунт в «Инстаграме», а не «Нью-Йорк таймс».

Марго глубоко вдохнула сквозь сжатые зубы. Они шли наугад, вниз по Тверской. Марго нервно поглядывала себе под ноги, и со стороны казалось, что она собиралась с силами, чтобы сказать что-то. Но, честно говоря, рядом с Глебом она всегда так выглядела. Уже лет шесть.

Глеб неловко запнулся, пропуская какую-то девушку вперед, и Марго наконец-то заметила.

— Ты пил?

Он сделал как всегда — с хитринкой рассмеялся, и тут же походка у него стала более развязной. Раз пойман, то можно больше не притворяться. Марго до невозможности закатывает глаза, а Глеб уже с удовольствием предвкушает ее речь в стиле суровой мамочки.

— Два часа дня, Глеб. Два чертовых часа.

— Я всего лишь для блеска глаз.

— Чьих глаз? Сотен тысяч миллионов глаз? Когда ты в последний раз был трезвым? Еще и это интервью, господи упаси, ты понимаешь, что из-за него у нас могли быть проблемы? И так нет заказов уже два месяца.

— Появятся.

— Если ты будешь так себя вести — нет.

— Еще поставь меня в угол, Маргош. А лучше выпори, это сексуальнее.

Марго стала бурно ругаться на армянском. Она была миниатюрной армянкой, а Глеб, как и полагается красавцам, — слишком высоким. Марго смешно семенила крохотными ножками, он же, широко шагая, смеялся, запрокинув голову.

Так они шагали с первого курса. На пары, с пар, на вечеринки. Утром, вечером, в разгар ночи. В вагонах

метро, торговых центрах, заброшенных зданиях, аудиториях. Их дружба — это нелепый променад, где никто не хотел никому уступить.

Родная и теплая, проверенная, известная наизусть, даже какая-то надоедливая дружба. Такая сильная и долгая, что все их принимали за брата и сестру. Но, к сожалению, ни разу — за парня и девушку.

— Нам нужно поговорить всем «Мясом», — вдруг заявила Марго излишне серьезно, таким тоном, словно кто-то умер или умирать собирается. Глеб только вздернул бровь и пожал плечами. — Прямо сейчас.

— Все разъехались. — Он проверил телефон. Несколько сообщений в директ. Реакции, вопросы на его загадочную сторис про интервью. Информационный шум его реальности.

Марго молча вызвала такси, дождалась машины, пока Глеб все продолжал копать в чужих мнениях по поводу себя. Он немного покачивался, и ей оставалось только гадать, сколько он выпил на самом деле. Откровенно говоря, Марго видела Глеба пьяным чаще, чем трезвым. Бутылка пива после работы, виски в середине дня. Алкоголь превращался для него в бомбу замедленного действия — никогда нельзя было понять, в адеквате Глеб или нет.

Они сели в такси, Глеб откинулся на заднее сиденье. Шея у него была массивная, длинная, с острым кадыком. Как сказала одна из его последних «казноб», такую шею быстро устанешь целовать, поэтому ее больше хочется свернуть.

В такие моменты, как сейчас, во время вот таких тихих поездок в такси, он будто впадал в самого себя. Выглядел максимально отстраненным, будто на грани какого-то сна, и абсолютно заблокированным для реальности. Марго хмуро поглядывала на него через зеркало заднего вида. В последнее время разговоры

между ними совершенно не клеились. Оставалось только надеяться на лучшего друга Глеба, к которому они и ехали.

Бывший хлебозавод стал креативным кластером всего несколько лет назад, но первый росток хипстеров и андеграунда проклюнулся у Севы в автомастерской.

Несколько лет назад она чуть не исчезла вместе с прежним владельцем, отцом Севы. Никто из работников не хотел здесь оставаться из-за гнетущих воспоминаний, а у семьи не было ни возможностей, ни денег, чтобы начать все заново. Простая автомастерская стала неким мавзолеем, всего лишь напоминанием о существовании родного человека.

Сделать из автомастерской персональное логово было идеей Глеба. Это он вместе с Севой сбегал с пар, расчищал мусор, вытирал горы пыли и безжалостно выбрасывал все, что напоминало о смерти. Это они научились отгонять скорбь разговорами, смехом и тяжелой работой. Перекрашивали стены несколько раз, лишь бы не опускать руки. Бесконечные перестановки, уборки — они не знали, что конкретно хотели сделать из автомастерской, поэтому просто делали что-то.

Спустя два года мастерская стала находить свою суть. Сева перевозил сюда свои многочисленные хобби: мини-пивоварню, станок для резьбы по дереву, даже гончарный круг. Хобби могли устаревать, вещи — выкидываться. Глеб привез маленький забитый пивом холодильник и диван из «Икеи». Сева вернулся из путешествия по Скандинавии и привез с собой стопку журналов, кучу фотографий и новое увлечение: декорирование. Автомастерская стала пережидать. Сева хотел воссоздать свои воспоминания о Швеции, но потом началось «Мясо».

Автомастерская стала «лабораторией» тусовки. Вместо детских фото Севы с папой, снимков с поездок на рыбалку и запечатленных мгновений дней в машинном масле появились первые студенческие фото с вечеринок, затем — полароидные снимки с тусовок, а потом уже — билеты и мерч от крупных брендов. Запчасти сменились разобранными колонками, гирляндами, сломанными светофорами. И даже ретроавтомобиль отца, который тот так и не собрал, превратился в барную стойку — визитную карточку вечеринки «Мясо». Из музея имени его отца мастерская превратилась в музей Севы и Глеба.

Сева встретил их на пороге в кардигане, натянутом на серую майку, и трениках. Длинные каштановые волосы собраны в пучок, борода растрепана. Глеба всегда поражало, как Сева преобразился благодаря образу сурового викинга. Без бороды и волос его лицо всегда казалось бледным, впалым и каким-то слишком топорным, прямо неприятным.

Они размашисто скрепили руки с характерным хлопком. Так Глеб и Сева делали с первого класса, пародируя взрослых, и не заметив, что сами стали почти взрослыми.

Сева коротко кивнул Марго, открыл им дверь в мастерскую, в теплый от обогревателя воздух. Леша Муть сидел на полу, разбирая какую-то колонку, — словно ребенок играл в кубики.

— Ой, ребзя, че-как? Че такие понурые? — придурковато протянул он.

Глеб рассмеялся, каким-то отцовским движением потрепал Лешу по волосам и рухнул на кресло, Марго с Севой остались стоять.

— Как дела, Муть?

— Да супер, Глеб-Фадей, все как обычно. Вот со звуком ковыряемся, в Питер думаю мотнуться

туда-сюда, отыграть по доброте душевной пару сетов, повидаться и так далее. Леша Муть выглядел как человек, у которого по жизни была только одна проблема: у него на ноутбуке не осталось свободного места, чтобы клеить новые стикеры. Два года назад тусовка «Мясо» ездила в Питер для коллаборации с финской водкой. Они устраивали серию масштабных вечеринок и полным составом приехали покорять Северную столицу. Через пару часов после прибытия Глеб уже сцепился в баре с их основным диджеем. Они набили друг другу морды, устроили скандал, и в итоге диджей, который работал с ними первые два года, с криком и проклятиями ушел, заблокировав все контакты и смачно послав каждого. Из-за чего они поссорились с Глебом, уже никто не помнил, а вот панику из-за того, что у них послезавтра вечеринка на две тысячи человек по заказу крупного бренда и с серьезным контрактом, а диджея нет, запомнили надолго. Первой очухалась Марго. Она взяла Севу и Глеба за руки и повела на Думскую.

Среди смрада и вечеринок они нашли его, их тусовочного ангела, менеджера по вайбу, Лешу Муть. Высоченный и худой, типаж фигуры — «макаронина». Отросшие волнистые волосы, одежда из секондов. Он выглядел так, словно сбежал с канала «Никелодeon», словно вот-вот достанет вейп. Очаровательный дурачок играл такое техно, что людей размазывало по стенке, а толпа устраивала слем.

Это была любовь с первого взгляда. Леша Муть оказался Моцартом в мире рейверов.

Вечеринки прошли даже лучше, чем планировалось, и, когда их питерский сезон закончился, ребята поняли, что Лешу нельзя отпускать. Леша и сам не хотел. Он по характеру был щенком-щенком

и, в отличие от остальных, не воспринимал «Мясо» как работу. Он сразу понимал, что к чему. «Мясо» было семьей.

— Чего, когда следующая тусовка? Уже второй месяц тишина, — поинтересовался Муть. — Я такое намути-и-ил.

Марго прокашлялась, привлекая к себе внимание, присела на капот ретроавтомобиля.

— Вы же понимаете, что у нас положение бедственное? — настаивала Марго.

Глеб закатил глаза, Сева наблюдал за ним внимательно, настороженно.

— Просто не сезон. — Глеб показательно зевнул.

— Как раз-таки сезон. В прошлом году у нас было пять заказов в месяц. Вы сами это помните. А сейчас мы сидим без дела.

Глеб хмыкнул, потянулся к мини-холодильнику за пивом. У Марго опасно раздулись ноздри.

— У нас нет денег, Глеб. Никакого дохода. Никто не соглашается с нами работать. Даже если мы попытаемся воссоздать «Мясо» самостоятельно, у нас нет средств на аренду зала.

— Мы начинали ни с чего, Маргош.

— Мы начинали как группа студентов и мелкий квартирник. Ты хочешь вернуться к квартирникам? Мы уже не студенты. У нас уже репутация. Мы не можем сделать шаг назад.

— А может, можем? М? Типа, возрождаемся, но-стальгия, давайте как в первый раз.

Марго фыркнула и обиженно вскочила с места. Сева глубоко вдохнул.

— Глеб, ситуация реально серьезная.

— У вас всегда ситуация «реально серьезная». За эти четыре года во что мы только не влипали! Помните, как у нас отрубило электричество? А как приехал

наряд полиции? А как нам пришлось продавать паленку? Как в день заказа нам аннулировали аренду? Наша работа — тусовки. Тусовки не знают ни порядка, ни серьезности, это закольцованный в пространстве хаос, — Глеб поднял палец и описал круг. — И наш процесс соответствует нашему продукту. Я не понимаю, почему вы нервничаете, что вы сидите с такими серьезными лицами? — Он расхохотался. — Все же хорошо. Сейчас не сезон, потом ворвемся снова. Люди любят «Мясо». Мы стабильно собираем тысячу. Мы мелькаем в СМИ. Мы — целый культ. Нам нечего бояться. Бог тусовок держит нас под своим танцующим крылом.

Глеб не хочет этого замечать, правда, совсем не хочет, но он чувствует какое-то немое напряжение. Как Марго и Сева переглядываются друг с другом, как поджимают губы. Они явно ему что-то недоговаривают, что-то скрывают от него.

— Мне предложили другую работу, — выдал наконец Сева.

Глеб округлил глаза, зловеще рассмеялся.

— Ты первый, Брут?

— Глеб, нам нужно на что-то жить.

— Нам всем нужно на что-то жить. И что же за работа, Сева? Будешь оформлять витрины в ЦУМе?

— Рейвы «Матадора».

— «Матадор»? Эта безвкусная, бездушная хрень, которая дышит нам в спину уже который год?

— Заткнитесь, мальчишки! — скомандовала Марго, комично топая ножкой. Леша наблюдал за ними с открытым ртом, будто за ссорой родителей. — Слушайте сюда, мальчишки, потом будете устраивать разборки, кто здесь Брут, кто здесь брат, наиграетесь в свою бригаду. Семья семьей, мясо мясом, тусовочный бог и прочее — оставь это, Глеб, для своих телок в барах

и низкосортных интервью. Ситуация такая, — она скрестила руки на груди и прокашлялась: — «Мясо» либо будет гнить, либо оживет.

— А еще мне что-то бужит про метафоры, — шепотом прокомментировал Глеб, отпивая пиво.

Марго обводит их решительным взглядом. Диктатор тусовок. В этом щупленьком тельце заключалась мощь всей армии, в ней решительности и силы было больше, чем во всех, кто имел с «Мясом» дело, — от приглашенных диджеев до компании байкеров, которых они как-то позвали на фейсконтроль.

— Я вообще собрала вас с одной целью. — Опять она переглянулась с Севой. В последнее время это происходит слишком часто. — У нас наконец-то появился заказ, но заказ... стремный.

Леша нахмурил брови, вопросительно взглянул на Глеба, ожидая его реакции.

— Опять какой-то спортивный бренд?

— Нет. Гуру.

От Глеба не скрылось, что Сева остался таким же безэмоциональным, скрюченным и ни капли не удивленным.

Марго достала из сумки телефон, села рядом с Глебом и показала ему имейл.

— Он живет на Бали. И хочет заказать у нас вечеринку.

Леша сразу потянулся к ним, заглядывая в экран.

«Благо ДАРЮ!

Я Светозар Брахман, гуру, йогин, мистик, мастер тантрических практик и Отец заблудших. Наслышан о «Мясе» и хочу предоставить вам шанс выйти за рамки обыденного, расшатать свою реальность, уничтожить себя до основания, познать свою сущность и создать нечто новое.

Моя цель – дать вам возможность. Особый заказ. Я готов подарить вам все условия для его выполнения. Авиабилеты, мою частную виллу в Убуде, поддержку духовную и материальную. Все ради одной ночи. Все ради одного перерождения. В рамках моего ретрита: “Умри и воскресни”. Суть своего предложения я готов изложить при личной встрече. Мне нужно лишь получить ваше искреннее “ДА”.

Благо ДАЮ! »

Леша, как обычно, отразил всеобщее настроение:
— Что за дичь вообще?

Глеб выхватил телефон, прочитал еще раз, манерно подняв бровь. Рассмеялся как-то по-волчьи, утробно.

— Что по деньгам?

Глеба, кажется, ничто не смутило. А вот Сева продолжал заметно нервничать.

— Он не сказал. — Марго отложила телефон. — Только при личной встрече. Я пыталась ему позвонить, трубку взяла его ассистентка, настойчиво спрашивала данные наших паспортов. Светозар отказывается называть все условия, но уже готов взять билеты до Бали.

— Подожди! — Глеб приподнял палец и набрал кого-то на смартфоне. — Я сейчас узнаю о нем...

— Я уже гуглила и...

— Кристина, милая, привет! — Сочетание этих слов для Марго было словно красная тряпка для быка. От Севы не скрылось, как опасно раздулись ее ноздри. Пару дней назад Марго ворвалась в мастерскую и устроила Севе полномасштабную истерику. Он запостил фотку с ней! Запостил! Не сторис, целый пост! Для этих инста-выродков это все равно что заявление в ЗАГС.

— Марго, какая тебе разница? — устало спросил Сева, покрывая лаком столик из светлого дуба. Он знал, какая разница. Откровенно говоря, все знали. Но Марго почему-то было важно сохранить эту нелепую претензию на «невлюбленность» каким угодно образом. Стоило хоть кому-то намекнуть на ее чувства к Глебу — тут же начинался страшный скандал. У Марго за спиной годы администратором и хостес в самых мажорных и мерзких местах, она терпела унижения если не ежедневно, то точно еженедельно. На работе она — ласковый дипломат, терпеливая и улыбчивая, может даже в слезы удариться, если надо. Но стоило ей уволиться и полностью переключиться на «Мясо», как запас терпения исчерпался. Началась ее искренняя вендетта. Теперь она говорила, как хотела, что хотела и в любой манере. Ругалась и скандалила. Больше никаких фальшивых улыбок из надежды на чаевые. Искусством скандала Марго владела виртуозно, у нее были лучшие учителя: посетители фешенебельных ресторанов — чиновники и бандиты. После того, что она пережила на своей работе, Марго должна была бороться со злом, но в итоге примкнула к нему.

— Маркетолог, — фыркнула она, открывая «Инстаграм» той самой Кристины. — Двести тысяч подписчиков, половина из них — «ноготочки», другая — куколды. Трэвелер, инфлюенсер, эстет, *model*, — передразнивала она, чуть ли не плюясь ядом. — И мое любимое: «Я сделаю из тебя бренд!» — Марго зловеще расхохоталась и рухнула на диван. — Это ж как жестко ее парень должен был бросить, раз она так в «Инстаграм» ударилась?

— Что, прости? — Сева совсем притих, методично и вдумчиво вода кисточкой по столику.

— Пф... Для таких как она «Инстаграм» — инструмент мести. Кого ни возьми: начинающую миллиардершу,